

Оклеветанная сестра

Не в каком чарьсвии, не в каком государьсвии, в таком, каком мы живём, жиў мужик да баба. У мужика, да у бабы было двоэ дитей, дóчи да сын; отець сколько-то годов жиў. Жили ёны очень богато, стал отець померать и при смерти сыну наказывал: «Не Бог ти благословит, сын, в своей дереўни жениться». И ён послы отца жиў три года нежонатый, и в лавочку пойдёт, и сестры скае: «Прощай, сестриця». А с лавочки придёт: «Здорова, сестриця». В инный раз пришоў с лавочки и сестры скаже: «Сестриця, я буду женитьця в своей дереўни». — «Ах братець, скаже, тиби видь, скае, батюшко не велеў в своей дереўни жениться». — «Ну, сестриця. родимая, быдь что хошь, а жениться надо». — «Ну, как хошь, играй, скае, свадьбу». Ну ён и жениўся, и ён как пойдёт в лавочку: «Прощай, сестриця». А оттуль придёт: «Здорово, сестриця». И этой жонки стало зарно, что, вишь, советно брат: да сёстра живут. Стала эта жонка с брюхом ёго, брюхо проносила и рóдила. И эта сёстра робёнка очень любила, и братець, как пойдёт: «Прощай, сестриця»; и как придёт: «Здорова, сестриця». И этой невески что сделать? Взяла да ёго собаку убила, и ён пришоў: «Здорова, сестриця». И тая баба скае: «Да, здорова сестриця, погляди-тко, что твоя сёстра сделала: твою самолúчшу собаку убила». Потом: «Ну, в первой вины Бог прóстит», — брат скае. На дрúгой день взяла жеребьця убила. Брат пришоў; опять: «Здорова, сестриця». — «Да, здорова сестриця, погляди-тко, что твоя сестриця сделала: самолúчшого жеребьця убила». — «Ну, и в другóй вины Бог прóстит». Ёна на третий день своего робёнка убила и в зыбку за двíри и клала. Брат пришоў, опять: «Здорова, сестриця». Бабу спросит: «Гди ж у вас робёнок?» А она скаже: «У сестры». Ён и к сестры пришоў: «Сестриця, скае, гди же робёнок?» А сёстра скае: «Ён уж быў у меня даўно, топерь даўно не бываў». Ёны стали искать; робёнок за двёрьми убитый. «Ну вот, скае, твоя сёстра что сделала, робёнка убила». Ну ён взял ю, скинуў догола и повёз ю в чисто поле и отправиў ю в лис — лесом пáрусом (пой куды хошь). И ёна выстала в ёўку туды г высокоу. Ходили чарьскии сыновá по охвоту пó лесу и ю там увидали в сóсны. Один скае, что человек есь, а другой скае, что чёрт есь, и направляют óружие в ню стрелить туды. Она и зарыцяла: «Я не трону́, скае, я ведь человек, скае, есь, не трону́ вас». Ёны ей сказали: «Так спускайся же оттуль». — «Я бы, ска, спустилась, да у меня одёжи на себи нит». Ёны взяли с себя скинули (которая на вёрьху была), оставили под сóсну и самы вышли даля. Ёна опустилась, одёжу одила, ёны и взяли ю

домой. Домой и привели, не показывают. Пришоў старшой сын: «Батюшко, я женьця буду». — «Што ты, скае, сын, топерь здумаў, дó сих пор у тебя в умах женьдбы не было, топерь женьця вздумаў. Ну Бог те благословит. Женис, скае, для меня. А гди ты женьця, скае, будешь?» — «У меня, скае, с лесу приведена». Ён отцю и покажаў эту дивицю, и отцю ёна прилюбилась и свадьбу сыграли (ёна была красíва). Ёны́ сколько-то времени там жили, ёна понёсла́с. Муж в дру́гом городи служиў, и ёна рóдила робёнка — сына, и по колен ножки в золоти, по локóткам ручки в сéребри, позади светей мисяць, попереди красно соўнышко, по каждой волосиноцьки по скатной по жемчуженьки. Ну ёны взяли письмо отцю написали, што такого жóнка сына рóдила и послали по работнику письмо, и ён шоў, шоў и к эхтой к ёйной невестки к ночи. Она взяла, байну вытопила, его в байну послала, сама взяла в котомки письмо и розорвала, а написала на мисто: «Котёнка твоя жонка рóдила». И оттули ён из байны пришоў и опеть отправиўся в дорогу, пришоў и пóдаў ему письмо, и ён письмо там прочитаў и на место письмо написаў, что «К мóму приходу (чтобы до мóго приходу) никуды ей не кончить». Ён опеть к тому месту пришоў ночью, ёна опеть байну вытопила, его в байну послала, это письмо взяла и розорвала, и на место написала: «Чтобы к мому приходу не́ было дома такой-то». И пришоў этот работник домой, письмо и пóдаў. Отець, как зглянуў в письмо, скае, что это он с ўма (с ума́), верно, сошоў. Нечто делать, ю отправили, а сына не́ дали, ёна и пошла куды голова несёт. Шла ёна в далёко с той дереўни и нáнялась в работници, а ён пришоў домой. Отець его давай бранить. Ён скае: «Как! Мни было пíсьмо от вас», — скае (как он пришоў, так ему сына в ызбы показали, так он сияэ, сияэ; ну ён видит, что сын хороший, отец и стаў его ругать). «Мни-кова от вас было письмо, што твоя жонка рóдила щенёнка». И давай муж плакать, что жонку отправили. И ёна жыла три года в работницах; стало ей тоскливо, взяла, в муську одёжу сократилась и пóшла домой. Пришла́ домой, а ў свёкра в работници (в муськой одёжи) нанимаётся, а сама робёнка как вóзьме на́ руки и сама пла́че. Этот муж всё на неё глядит. «Что это, скае, наш работник, что робёнка вóзьме на́ руки, то пла́че». Ёны стали у ёй спрашивать: «Что ты, скае, что нашего робёнка вóзьмёшь на руки и плачёшь?» И ёна взяла им и раскрылась, что «Я жонка ваша, не работник, скае, а жонка». И им што зделать? Оны взяли собрали баў, которых господ богатых, и брата, и невеску и посадили их за стоў. Ну эта-то, которая рóбёнка родила: «Ну, скае, господа, я буду вам повисть рассказывать, а хто бóдет мешать, тому десять розог и сто рублей награды». И ёна стала высказывать. «Досюль, скае, в таком-то мисти, скае, жили брат и сёстра́ советно; потом брат жениўся и этой невески стало зáрно, што брат и сёстра́

живут советно». Тут ёна́ и дакнула; и сичас десеть розог с ней и сто рублей денег с ней. И опеть стала розсказывать: «Эта невеска взяла на́ день убила его собаку саму лучшу. Брат с первой вины ю прúстиў (сёстру); ёна́ на другой день взяла, жерепьца убила невеска, ну и брат в другой вины прúстиў». Невеска опеть и дакнула: «Да так и былó». Ей сичас десеть розок и сто рублей с ней дёнэг — не мешай. «На третей день эта невеска взяла, своего робёнка убила. Ну боўше брат утерпеть не муг и повёз ю (сёстру) в чисто поле и спустиў ю на́ лес голу, отправиў; ёна выстала, эта сестра, в сóсны (в лесах). И ходили чьярски сыновá по охвоту, ей увидали в сóсны, ну ей и взяли оттуль; старший брат на ней и жениўся. Сколько-то годов жили, ёна́ принесла сына, а муж жиў там в дрúгом городи, и написали ему письмо туды, послали по роботнику, и этот роботник пришоў к ёйной невестки к нúчи; она байнó ёму вытопила, в байну послала, взяла́ у нёго́ в котомки письмо, розорвала то и на место другоэ написала, што «вот такого твоя жонка рóдила робёнка — котёнка»; муж написаў оттуль письмо, штоб до мóго приходу ей никуды не кончить. Ён опеть оттуль шоў и опеть к эхтой невески к ночи, и ёна взяла, опеть байну вытопила и в байну ёго́ послала; сама взяла письмо розорвала́ и на мýсто другóэ написала, штобы к мóму приходу ей нé было». И ёна и дакнула невеска-то, и ей десеть розог и сто рублей дёнэг. Ну ёна повись досказала. Этот брат сидит, плаця (так), видит, што сёстра́ ёго́, и ёны взяли эту невеску, на ворóтах и выстрелили, и стали оны жить и быть, добра наживать. Тўт маа сказка вся, боле сказать нельзя.

(Записана от крестьянки Талой-Горы Петрозаводского уезда Лукерьи Филимоновны Марковой 21-22 лет.)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.